

«ГДЕ ВЕЧНО ШУМИТ ОКЕАН»

23 августа исполняется сто лет со дня рождения писателя А. С. Грина, жизненный путь которого связан с Пензой. Здесь в 1902 году он служил в армии. Сегодня мы публикуем заметки литератора Игоря Румянцева, занимающегося исследованием творчества А. С. Грина.

Твой поезд скатывается по глобусу вниз и останавливается у феодосийского вокзала. Ты приехал к писателю Грину. Он умер на этой земле в 1932 году.

Юркий феодосийский автобус одолевает двадцать пять километров горной дороги. Вот и Старый Крым — древний городок у подножия горы Агармыш, последняя гавань писателя.

Над могилой Грина навсегда застыли десять стволов дикой алычи. На сером граните две строчки: «А. С. Грин. Писатель».

Ты вспоминаешь еще строчки — другие, по-паустовски красивые: «Его рассказы вызывают легкое головокружение, как запах раздавленных цветов, и свежие печальные ветры». Но в тебе его рассказы будили страданье за людскую судьбу, простые и великие решения. Но главное — от них ты становился сильным на тропе, а воля не покидала в дни горечи.

Жизнь Александра Грина с шестнадцати лет стала тяжелой. Его трясла малярия в ночлежках, он тушил пожары на нефтепромыслах в Баку, пилил лес, мыл золото, голодал, носил солдатскую шинель (в том числе и в Пензе), агитировал моряков на восстание и возил оружие. В итоге страшная севастьяпольская тюрьма в неполные двадцать пять лет, откуда легендарный лейтенант Шмидт пытался его освободить.

Потом будут другие тюрьмы, ссылки, побеги и жизнь в Петербурге по чужому паспорту. Но уже написан упругий, как порыв ветра, рассказ «Остров Рено» и есть книги писателя А. С. Грина. Этого писателя нежно и преданно полюбил Куприн. Постоянно заботился о нем Горький.

...О чем думаешь ты, сжимая чугунок ограды? Быть может, видишь порывистого бесстрашного юнга Аяна из «Пролива Бурь»; или страдаешь за судьбу Горна, который бросил вызов обитателям «Колонии Ланфиер», и они твердо веруют: человек, не похожий на них, должен умереть. Или слышишь голос Дези Гарвей из «Бегающей по волнам»: «Человека не понимают. Надо его понять, чтобы увидеть, как много невидимого...»

Решительно ты стучишь в дверь дома на улице Карла Либкнехта. Открывает ее старая женщина удивительной красоты. У женщины цинковые волосы, теплая улыбка и спокойный голос:

— Вы к Александру Степановичу? Проходите. Ну же! Вот комната Александра Степановича, его кресло. Садитесь. Смотрите, читайте пока. А я заварю чай.

Сердце, не стучи так гулко! Здесь он часами сидел в этом кресле, курил, трогал рюмку, бронзовую собаку, камешки на столе сухой и крепкой рукой своей.

Здесь в солнечный июльский день, когда рак вгрызался в две точки измученного тела, он попросил, чтобы кровать поставили к окну. Мысленно он покинул узкую комнату и ушел к синим контурам гор, за которыми сверкало море. Его море...

Четырнадцать последних лет его жизни с ним была женщина редкой преданности — Нина Николаевна Грин. Ей посвятил он роман «Джесси и Моргана», феерию «Алые паруса», рассказы и стихи.

Да, Грин писал и стихи. Вот два из них. Первое стихотворение написано в начале творческой жизни, второе — спустя годы.

* * *

Я в книгах учился читать
и писать,
но детские годы ушли,
и стал я железной мотышкой
стучать
в холодное сердце Земли.
Уныло идут за годами года,
я медленно с ними бреду,
сгибаясь под тяжестью
жизни, — туда,
откуда назад не приду.
Я в книгах читал
о прекрасной стране,
где вечно шумит океан,
и дремлют деревья
в лазурном огне,
в гирляндах зеленых лиан.
Туда, улетаю, тревожно
кричат
любимцы бродяг журавли...
А руки — железной мотышкой
стучат
в холодное сердце Земли.
Я в книгах читал
о прекрасных очах
красавиц и рыцарей их,
о нежных свиданьях и острых
мечах,
о блеске одежд дорогих.
Но грязных морщин вглядев
печать
растет и грубеет в пыли...
Я буду железной мотышкой
стучать
в железное сердце Земли.
Я в книгах о славе героев
узнал,
о львиных бесстрашных
сердцах;
их гордые души —
прозрачный кристалл.
их кудри — в блестящих
венцах.
Устал я работать и думать
устал,
слабеют и слепнут глаза;
туман застилает вечернюю
даль,
темнеет небес бирюза,
поля затихают... Дороги
молчат.
И тени ночные пришли...
А руки — мотышкой железной
стучат
в холодное сердце Земли.

* * *

С каких изумительных гор
стремится тот ключ золотой?
С каких незапамятных пор
он дышит лесной красотой?
В пустыне струясь снеговой,
он дышит лесной красотой.
В угрюмости снежных
вершин
седые деревья вокруг
ветвями склонили над ним
сплетенья безлиственных дуг.
К холодной лесной тишине
и волк, и охотник приник,
им слышен вдали, как во сне,
ручья торопливый звон-клик.
Зов нежный им слышен на
миг
ручья торопливый звон-клик.
В ручье том — никто, никогда
себя не увидит. Но тот,
кто смотрит в него, навсегда
в далекие горы уйдет.
Откуда ручей тот течет —
в те горы — навеки — уйдет.

* * *

Поздним вечером ты вспомнишь о последнем автобусе на Феодосию и заторопишься. Ты склонишь голову и прикоснешься губами к легкой ладони вдовы писателя и спрыгнешь с крыльца в туман. Сейчас ее нет в живых. Но так и видится: накинув белую шаль, Нина Николаевна стоит в проеме двери. Она поднимает руку, как бы благословляя.

Ты станешь старше, пройдешь много дорог и выберешь свою. Ты узнаешь горечь, радость и начнешь писать первую книгу. Жизнь не всегда сплошная удача. И письма Нины Николаевны — большие суровые и ласковые, — письма найдут тебя и помогут тебе. Вот один ее ответ на письмо:

«Самая страшная грусть — ноющая. Это грусть без чувства собственного достоинства, которое должно сопровождать человека до последнего его вздоха. Растворите в себе боль пережитого. На 1/2 сантиметра держите выше свой ум и сердце, выше тех, кто из обид и боли своих делают ковер, по которому ползут, стена и негодуя...».

И. РУМЯНЦЕВ.

(В материале использованы малоизвестные стихи Грина и письмо Н. Н. Грин к автору).